

18+ *Томас
Стернс
Элиот*

поэтические переводы

*Михаила
Меклера*

Томас Стернс Элиот

Поэтические переводы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54292030

ISBN 9785449867179

Аннотация

Я проникал в глубину души, во тьму подземного грота и читал там мысли в тиши, великого Томаса Элиота. Немыслимые ритм и слог, оживают повсюду глаголы, да метафоры между строк, по мозгам наносят уколы. Разлагая по буквам строфу, из английского перевода, я застывшую чепуху, доводил до русского слога.

Содержание

Воскресное утро	6
Mr. Eliot Sunday Morning Service	8
Гиппопотам и церковь	10
The Hippopotamus	12
Бербанк с Бедекером, Блейштайн с сигарой	14
Burbank with a Baedeker: Bleistein with a Cigar	16
Медовый месяц	18
Lune de Miel (Honeymoon)	19
Посвящение моей жене	20
A Dedication To My Wife	21
В ресторане	22
Dans le Restaurant	24
Кулинарное яйцо	26
A cooking egg	28
Шепот бессмертия	30
Whispers of immortality	32
Суини Эректус	34
Sweeney Erect	36
Суини среди соловьев	38
Sweeney among the Nightingales	40
Песня о любви Альфреду Пруфроку	42
The Love Song of J. Alfred Prufrock	47
Четыре квартета	53

1. Бёрнт Нортон	53
1. Burnt Norton	59
2. Ист Коукер	66
2. East Coker	73
3. Драй Сэлвейджес	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Поэтические переводы

Томас Стернс Элиот

Переводчик Михаил Меклер

© Томас Стернс Элиот, 2022

© Михаил Меклер, перевод, 2022

ISBN 978-5-4498-6717-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Воскресное утро (Томас Элиот)

*Смотри, смотри мастер, вот идут две
религиозные гусеницы.*

Еврейская Мальта

Полигамные, разумные люди от Бога,
общаются только через оконные стекла.
В начале было только слово. Строго
оплодотворялись во время менструального цикла.
В расслабленном состоянии умбрийский художник,
рисует пустыню в трещинах, раскалённый гранит,
там по воде худой и бледный передвигает ноги,
Отец с красочным нимбом и с ним Параклит.
Священники в чёрном проходят по аллее покаяния
мимо.
Молодые, рыжие и прыщавые, ухватившись за поясицу
перед покаянными воротами, смотрят на образ
Серафима.
Там преданные души тлеют, образуя тусклую зарницу.
Вдоль стен сада роятся пчелы с волосатыми животами.
Тычинка и пестик облюбовали блестящий офис
бесполох.
Суини кушает ветчину, перемешивая воду в ванной.

Эрудиты тонкого искусства ведут полемические споры.

Mr. Eliot Sunday Morning Service (Tomas Eliot)

Look, look, master, here comes two religious caterpillars.

The jew of Malta.

Poly philoprogenitive
the sapient sutlers of the Lord
Drift across the window-panes.
In the beginning was the Word.
Superfetation of to en,
and at the mensual turn of time
Produced enervate Origen.
A painter of the Umbrian school
Designed upon a gesso ground
the nimbus of the Baptized God.
the wilderness is cracked and browned
but through the water pale and thin
Still shine the unoffending feet
and there above the painter set
the Father and the Paraclete.

.....

The sable presbyters approach
the avenue of penitence;

the young are red and pustular
Clutching piaculative pence.
Under the penitential gates
Sustained by staring Seraphim
Where the souls of the devout
Burn invisible and dim.
Along the garden-wall the bees
With hairy bellies pass between
The staminate and pistilate,
Blest office of the epicene.
Sweeney shifts from ham to ham
Stirring the water in his bath.
The masters of the subtle schools
Are controversial, polymath.

Гиппопотам и церковь (Томас Элиот)

Широкозадый бегемот,
опираясь на живот,
лежит себе в грязи могучим телом,
в нем плоть и кровь имеется всецело.
Живая плоть и кровь слаба, она
расстройством нерв подвержена,
безгрешна Церковь в Божьем Храме,
так как основана на камне.
Нетвёрдый у бегемота шаг,
тернистый путь к добыче благ,
а Церкви думать недосуг,
ей дань со всех сторон несут.
Не сможет даже Гиппо никогда
хоть с дерева достать плода,
а персик и заморский фрукт,
в Святую церковь из-за морей везут.
Во время случки бегемот
хриплым голосом орёт.
По воскресениям каждый знает,
что в Церкви Бога воспевают.
Днём дремлет бегемот степенно,
он в ночь охотится обыкновенно,
а Бог таинственно творит,

одновременно ест и спит.

Я видел, как Потам неожиданно,
вознёсся в небо над саванной
и пели ангелы вокруг сопрано,

Слава Богу, громко в осаннах.

Кровью Агнца умоется он в одночасье
и станет сразу к святому причастен,

а небеса его окутать смогут и объять,
им на арфе будет он из золота играть.

Он будет вымыт чище и белее снега,
лобзанием мучениц в довольстве нега,
пока Святая Церковь пребывает в стане,
в зловонном, заразительном тумане.

The Hippopotamus

(Tomas Eliot)

The broad-backed hippopotamus
Rests on his belly in the mud;
Although he seems so firm to us
He is merely flesh and blood.
Flesh-and-blood is weak and frail,
Susceptible to nervous shock;
While the True Church can never fail
For it is based upon a rock.
The hippo's feeble steps may err
In compassing material ends,
While the True Church need never stir
To gather in its dividends.
The 'potamus can never reach
The mango on the mango-tree;
But fruits of pomegranate and peach
Refresh the Church from over sea.
At mating time the hippo's voice
Betrays inflexions hoarse and odd,
But every week we hear rejoice
The Church, at being one with God.
The hippopotamus's day
Is passed in sleep; at night he hunts;
God works in a mysterious way —

The Church can sleep and feed at once.
I saw the 'potamus take wing
Ascending from the damp savannas,
And quiring angels round him sing
The praise of God, in loud hosannas.
Blood of the Lamb shall wash him clean
And him shall heavenly arms enfold,
Among the saints he shall be seen
Performing on a harp of gold.
He shall be washed as white as snow,
By all the martyred virgins kist,
While the True Church remains below
Wrapt in the old miasmal mist.

Бербанк с Бедекером, Блейштайн с сигарой (Томас Элиот)

Бербанк пересек маленький мост,
спустился в небольшой отель.
Принцесса Волюпайн ожидала в срок,
они были вместе, как он хотел.
Грохот, как набат с небес,
прошёл по всей глубине моря,
медленно Бог Геркулес
зажигал их всей любовью.
По небу пролетел Пегас
над Истрией с рассветом.
Его закрытый баркас,
блестел на воде при этом.
Это был путь Блейштайна,
его локти, ладони, артрит,
его обвисшего изгиба колена.
Прошли Чикаго, Венский Семит.
Без блеска выпуклые глаза,
видят протозойную слизь семени.
В перспективе Каналетто чудеса,
догорает свеча конца времени.
На Риальто поднялась внезапно вода.

Под сваями крысы купаются.
Еврей в гондоле, с ним деньги, меха.
Лодочник просто улыбается.
Принцесса Волюпайн ожидает шквал любви.
Скудная, с голубыми ногтями, с чахоткой,
шагает по водной лестнице, всюду огни.
Она развлекает сэра Фердинанда попкой.
Львиные крылья никто не подозревал.
Блоха не умрет от порезов когтей в притонах.
Бербанк в голове своей размышлял,
об истраченном времени и семи законах.

Burbank with a Baedeker: Bleistein with a Cigar (Tomas Eliot)

Burbank crossed a little bridge
Descending at a small hotel;
Princess Volupine arrived,
They were together, and he fell.
Defunctive music under sea
Passed seaward with the passing bell
Slowly: the God Hercules
Had left him, that had loved him well.
The horses, under the axletree
Beat up the dawn from Istria
With even feet. Her shuttered barge
Burned on the water all the day.
But this or such was Bleistein's way:
A saggy bending of the knees
And elbows, with the palms turned out,
Chicago Semite Viennese.
A lustreless protrusive eye
Stares from the protozoic slime
At a perspective of Canaletto.
The smoky candle end of time
Declines. On the Rialto once.

The rats are underneath the piles.
The jew is underneath the lot.
Money in furs. The boatman smiles,
Princess Volupine extends
A meagre, blue-nailed, phthisic hand
To climb the waterstair. Lights, lights,
She entertains Sir Ferdinand
Klein. Who clipped the lion's wings
And flea'd his rump and pared his claws?
Thought Burbank, meditating on
Time's ruins, and the seven laws.

Медовый месяц (Томас Элиот)

Посетив страны Бенилюкс, они вернулись в Терре-Хот,
но одну летнюю ночь провели в Равенне.

Они лежали на простыне, под которой клопов
несколько сот.

Был летний зной, пахло потом и женским телом.

Лёжа на спине, раздвинув колени, их ноги пухли
от укусов,

ворочаясь на матрасе, расчесывали свои раны до крови.

В миле от них находился Святой-Аполлинере-ин-Класе,
где туристы с энтузиазмом изучали своды и капители.

Они сели на скоростной поезд и в поздний час,
продлевали свои страдания от Падуи в Милан.

Там их ожидали «Тайная вечеря» и ресторан.

Он подсчитал расходы и взял их на карандаш.

Они увидели Швейцарию и Францию в свои
медовые дни.

Меж тем постоянный аскет Святой Аполлинарий,
словно старая, Божья мельница, до сих пор сохраняет
в своих потёртых камнях точную форму Византии.

Lune de Miel (Honeymoon)

(Tomas Eliot)

They have seen the Low Countries, they are going Terre Haute;

But one summer night finding them in Ravenna, at ease
Between two sheets in the home of two hundred bugs,
The sweat of summer, and the smell of a bitch in heat,
They lie on their backs and spread apart the knees
Of four sticky legs all swollen with bites.

They raise the sheet so that they can scratch better.

Less than a mile from here is Saint Apollinare in Classe,
The basilica known to enthusiasts

For its acanthus columns which the wind batters.

At eight o'clock they will catch the train

To prolong their miseries from Padua to Milan

Where they will find The Last Supper, and an inexpensive
Restaurant. He will calculate the tip with a pencil.

They will have seen Switzerland and crossed France.

And Saint Apollinare, straight and ascetic,

Old, disaffected mill of God, still keeps

Посвящение моей жене (Томас Элиот)

Я ей обязан очень, огненным восторгом,
рано утром пробуждались чувства строго,
а сексуальный ритм наш прерывает сон,
когда мы стонем и дышим в унисон.

Пахнут друг другом наши тела,
речь не нужна излишни слова.

Наши мысли едины, словно блюз,
луч солнца не расплавит наш союз.

Нас ветер зимой не заморозит,
в саду цветут и не вянут розы.

Я этим преданность к ней проявляю,
эти строки публично всем заявляю.

A Dedication To My Wife

(Tomas Eliot)

To whom I owe the leaping delight
That quickens my senses in our waking time
And the rhythm that governs the repose of our sleeping time,
the breathing in unison.
Of lovers whose bodies smell of each other
Who think the same thoughts without need of speech,
And babble the same speech without need of meaning.
No peevish winter wind shall chill
No sullen tropic sun shall wither
The roses in the rose-garden which is ours and only.
But this dedication is for others to read:
These are private words addressed to you in public.

В ресторане (Томас Элиот)

Немолодой официант, от нечего делать,
наклонился и тихо говорит:
«На моей родине дожди ещё холоднее,
а солнце жарче землю коробит».
Сам он светлый и тучный в жилете,
спереди фартук, салфетка на руке висит.
Надеюсь не плюет он в суп на банкете,
где мы укрылись, чтоб от дождя уйти.
Я тщетно пытался, но она не желала,
так как от ливня промокла до нитки,
её ситцевая юбка к ягодицам прилипала,
я щекотал её, чтоб просто рассмешить.
Ишь ты, старый развратник, в такие годы,
она лет на восемь помоложе была,
я залез на неё, как пудель знатной породы,
пришёл и обнюхал, она пугалась меня.
Твоя голова не для блох, успокойся
и соскреби грязь со своей кожи,
вот шесть пенсов, с мылом помойся,
черт побори, это судьба твоей рожи.
Вы, дурацкая, пустяковая реликвия,
не обижайтесь на свой опыт в прошлом,
есть параллельное сходство с. Уходя,

скажу, что пообедаю с вами позже.
Флебас Финикский, честный человек,
забыв о достижениях, под крики чаек и гул,
две недели барахтался в морской воде,
потерял силы, удачу и в сорок лет утонул.
Берег Корнуолла плачет в пене волн,
он в предыдущую жизнь возвратился,
в портах пребывания, он был молодой,
бывший моряк из прошлого появился.

Dans le Restaurant

(Tomas Eliot)

The waiter idle and dilapidated
With nothing to do but scratch and lean over my shoulder
Says:

«In my country the rain is colder
And the sun hotter and the ground more desiccated
and desecrated».

Voluminous and spuminous with a leguminous
and cannimaculated vest-front and pant front
and a graveyperpulchafied yesterdays napkin in a loop
over his elbow

(I hope he will not sputter into the soup)

«Down in a ditch under the willow trees

Where you go to get out of the rain

I tried in vain,

I mean I was interrupted

She was all wet with the deluge and her calico skirt
stuck to her buttocks and belly,

I put my hand up and she giggled»,

You old cut-up,

«At the age of eight what can one do, sir,
she was younger

Besides I'd no sooner got started than a big poodle
Came sniffing about and scared me pealless»,

Your head is not flealess
now at any rate, go scrape the cheese off your pate
and dig the slush out of your crowsfeet,
take sixpence and get washed, God damn
what a fate

You crapulous vapulous relic, you ambulating offence
To have had an experience
so nearly parallel, with,

Go away,

I was about to say mine,

I shall dine

elsewhere in future,

to cleanse this suture.

Phlebas the Phenicien, fairest of men,

Straight and tall, having been born in a caul

Lost luck at forty, and lay drowned

Two long weeks in sea water, tossed of the
streams under sea, carried of currents

Forgetful of the gains

forgetful of the long days of sea fare

Forgetful of mew's crying and the foam swept coast
of Cornwall,

Born back at last, after days

to the ports and stays of his young life,

A fair man, ports of his former seafare thither at last

Кулинарное яйцо (Томас Элиот)

Пипит в кресле вертикально сидит,
осматривая Оксфорда колледжа вид.
Она заложила вязальной спицей альбом
и отложила не далеко от меня на стол.
Силуэты её дедушки и бабушки,
дагерротипы известной тётушки,
сияли на каминной полке гляncем,
как будто зазывали своим танцем.

...

Я не хочу признания на небесах,
увиджу сэра Сидни без промедления,
пусть салюты наводят страх,
на других героев того поколения.
Мне не нужен Капитал на небесах,
попрошу сэра Монда без абстракции,
вложиться вместе в какой-то банк,
или в пяти процентные облигации.
Я не хочу быть в Райских кулуарах,
где Лукреция Борджиа будет Невесткой.
Её анекдоты будут там всем забавой,
но опыт Пипит обеспечит им известность.
Не желаю видеть Пипит на небесах,
где Мадам Блаватская даёт указание.

Только в семи Священных Трудах,
Пикард Донати найдёт мое опознание.
Где мои пени, что я накопил,
чтоб кушать с Пипит в ресторане?
Из города Кентиш и Гелдер Грин,
бредут бомжи с голодными глазами.
Где фанфары и где орлы?
Под снегом Альп погребены.
Плачут нищие, плачет толпа
над булочкой с маслом. Всегда.

A cooking egg (Tomas Eliot)

Pipit sate upright in her chair
Some distance from where I was sitting;
Views of the Oxford Colleges
Lay on the table, with the knitting.
Daguerreotypes and silhouettes,
Her grandfather and great great aunts,
Supported on the mantelpiece
An Invitation to the Dance.

.....

I shall not want Honour in Heaven
For I shall meet Sir Philip Sidney
And have talk with Coriolanus
And other heroes of that kidney.
I shall not want Capital in Heaven
For I shall meet Sir Alfred Mond:
We two shall lie together, lapt
In a five per cent Exchequer Bond.
I shall not want Society in Heaven,
Lucretia Borgia shall be my Bride;
Her anecdotes will be more amusing
Than Pipit's experience could provide.
I shall not want Pipit in Heaven:
Madame Blavatsky will instruct me

In the Seven Sacred Trances;
Picard de Donati will conduct me...
But where is the penny world I bought
To eat with Pipit behind the screen?
The red-eyed scavengers are creeping
From Kentish Town and Golder's Green;
Where are the eagles and the trumpets?
Buried beneath some snow-deep Alps.
Over buttered scones and crumpets
Weeping, weeping multitudes
Droop in a hundred A.B.C.'s*

Шепот бессмертия (Томас Элиот)

Уэбстер одержимый смертью был,
и видел через кожу кости.
Бездомных под землей любил,
оглядывался, не имея злости.
Он знал, что это не зрачок,
так смотрит из пустой глазницы,
и, вождедея к мертвым впрок,
в нем похоть пытается вместиться.
Донн конкретно был другим
и не искал замену смысла наслаждений.
Завлечь, обнять и овладеть чужим,
он был опытным экспертом походовений.
Он знал, как костный мозг страдает
и боль скелета в лихорадке,
когда контакта с плотью не бывает,
совокуплений и разрядки.

...

Возлюбленная Гришкин – прелестна, хороша,
то подтверждает её акцент, российская душа,
а бюст её обширный, есть совершенство,
всегда сулит пневматику блаженства.
Яркий бразильский ягуар
не заставляет брать минет.

У Гришкиной кошачий дар,
и даже есть свой мезонет.
Ягуар Бразильский всех сильней,
в дикой чащобе и трясине,
разит кошатиной намного слабей,
чем Гришкина в своей гостиной.
Прообразы живых, пришедший гость,
вокруг прелестей её всегда роятся,
но мы, любя и плоть, и кость,
хотим лишь с метафизикой обняться.

Whispers of immortality

(Tomas Eliot)

Webster was much possessed by death
And saw the skull beneath the skin;
And breast less creatures under ground
Leaned backward with a lipless grin.
Daffodil bulbs instead of balls
Stared from the sockets of the eyes!
He knew that thought clings round dead limbs
Tightening its lusts and luxuries.
Donne, I suppose, was such another
Who found no substitute for sense,
To seize and clutch and penetrate;
Expert beyond experience,
He knew the anguish of the marrow
The ague of the skeleton;
No contact possible to flesh
Allayed the fever of the bone.

.....

Grishkin is nice: her Russian eye
Is underlined for emphasis;
Uncorseted, her friendly bust
Gives promise of pneumatic bliss.
The couched Brazilian jaguar
Compels the scampering marmoset

With subtle effluence of cat;
Grishkin has a maisonnette;
The sleek Brazilian jaguar
Does not in its arboreal gloom
Distil so rank a feline smell
As Grishkin in a drawing-room.
And even the Abstract Entities
Circumambulate her charm;
But our lot crawls between dry ribs
To keep our metaphysics warm.

Суини Эректус (Томас Элиот)

«Вокруг деревья сухие и листья опали.
Пусть буря ревёт и терзает скалы,
а позади меня остаются пустынные дали.
Смотрите девки, мы их долго искали!»

Оставьте меня в неизвестных Кикладах,
нарисуйте меня в неприступных скалах.
Покажите мне берег с пещерным бризом,
где столкнулись моря с оглушительным визгом.
Покажите Эола мне в облаках,
пусть бурю вызовет на небесах,
чтобы всклокочить Ариадны волоса
и наполнить попутным ветром паруса.
Ранним утром пробуждались части тела,
Навсикаи, Полифема, персонажей Гомера.
Жестами в постели вовсе без слов,
поднимался пар от опавших листьев.
Сухие веки, реснички с волосами,
расщепляются сонными глазами.
Вот овал лица обнажился зубами,
задвигались бёдра с прямыми ногами.
Лёжа на спине, да вверх ногами,
выпрямляя колени от бедра до пятки,

вцепившись в подушку своими руками,
трясли кровать, кончая в припадке.
Суини вскочил, чтобы побриться
с пеной на лице, не успев умыться.
Широкозадый, розовый до основания,
знал темперамент женского признания.
История длинная тень человека,
сказал доктор Эмерсон где-то.
Никто не видел Суини силуэта
в предзакатном отражении света.
Не прикоснулась бритва к ляжке,
ожидая пока утихнут визги объятий.
Колотилась и дышала очень тяжело,
Эпилептичка на своей кровати.
Дамы себя вовлечёнными считают
и в коридорах борделя пропадают.
Найдите свидетелей присутствия
и обесцените вкус их отсутствия.
Замечаем, что истерия всегда неприятна
и неправильно может быть всем понятна.
Мадам Тернер сообщает встревоженно,
что в этом доме нет ничего хорошего,
но Дорис возвращается из ванны,
шатаясь на ногах, и, как-то странно,
словно припудрив себе чем-то нос,
аккуратно ставит бренди на поднос.

Sweeney Erect

(Tomas Eliot)

And the trees about me,
Let them be dry and leafless; let the rocks
Groan with continual surges; and behind me,
Make all a desolation. Look, look, wenches!
Paint me a cavernous waste shore
Cast in the un stilled Cyclades,
Paint me the bold anfractuons rocks
Faced by the snarled and yelping seas.
Display me Aeolus above
Reviewing the insurgent gales
Which tangle Ariadne's hair
And swell with haste the perjured sails.
Morning stirs the feet and hands
Nausicaa and Polypheme,
Gesture of orang-outang
Rises from the sheets in steam.
This withered root of knots of hair
Slitted below and gashed with eyes,
This oval O cropped out with teeth:
The sickle motion from the thighs
Jackknives upward at the knees
Then straightens out from heel to hip
Pushing the framework of the bed

And clawing at the pillow slip.
Sweeney addressed full length to shave
Broadbottomed, pink from nape to base,
Knows the female temperament
And wipes the suds around his face.
The lengthened shadow of a man
Is history, said Emerson
Who had not seen the silhouette
Of Sweeney straddled in the sun.
Tests the razor on his leg
Waiting until the shriek subsides.
The epileptic on the bed
Curves backward, clutching at her sides.
The ladies of the corridor
Find themselves involved, disgraced,
Call witness to their principles
And deprecate the lack of taste
Observes that hysteria
Might easily be misunderstood;
Mrs. Turner intimates
It does the house no sort of good.
But Doris, towelled from the bath,
Enters padding on broad feet,
Bringing sal volatile
And a glass of brandy neat.

Суини среди соловьев (Томас Элиот)

Суини, раздвинув колени, болтая руками,
гомерически продолжает смеяться,
скулы, как у зебры, с двумя полосами,
в пятна жирафа спешат превращаться.
Круги от взбудораженной луны,
двигаются на запад по Ла-Плата.
Смерть и ворон хотят вышины,
Суини охраняет Роговые ворота.
Облака Большого Пса и Ориона
затенили морскую пучину.
На испанском мысе некая Дама,
садится на колени Суини.
Задев подолом по столу,
чашку разбивает вдребезги
и расположившись на полу,
зевая, поправляет чулки.
Безмолвный, в коричневом мужчина,
сидя на подоконнике, злится.
Официант подаёт бананы, апельсины,
инжир и виноград из теплицы.
Мужчина в коричневом фартуке впопыхах,
контракты и концентраты, изымает.
Рашель Рабинович со слезами на глазах,

виноград руками своими хватает.
Она и с испанского мыса дама
думают, что они сексуальны,
человек с усталыми глазами,
отвергает их гамбит изначально.
Выйдя из комнаты, появляется в спешке,
обозначая на лице золотую усмешку,
а за окном субтропики свисают
и глицин кругом благоухает.
Хозяин с кем-то непонятным
разговор ведёт невнятно.
Соловьи надрывают свои голоса,
рядом Монастырь Святые Сердца.
И пели в кровавом лесу мимолётом,
Агамемнон кричал во всё горло,
орошая саваны жидким помётом
и без того оскверненный город.

Sweeney among the Nightingales (Tomas Eliot)

Apeneck Sweeney spread his knees
Letting his arms hang down to laugh,
The zebra stripes along his jaw
Swelling to maculate giraffe.
The circles of the stormy moon
Slide westward toward the River Plate,
Death and the Raven drift above
And Sweeney guards the horn; d gate.
Gloomy Orion and the Dog
Are veiled; and hushed the shrunken seas;
The person in the Spanish cape
Tries to sit on Sweeney's knees
Slips and pulls the table cloth
Overturns a coffee-cup,
Reorganised upon the floor
She yawns and draws a stocking up;
The silent man in mocha brown
Sprawls at the window-sill and gapes;
The waiter brings in oranges
Bananas figs and hothouse grapes;
The silent vertebrate in brown
Contracts and concentrates, withdraws;
Rachel n;e Rabinovitch

Tears at the grapes with murderous paws;
She and the lady in the cape
Are suspect, thought to be in league;
Therefore the man with heavy eyes
Declines the gambit, shows fatigue,
Leaves the room and reappears
Outside the window, leaning in,
Branches of wistaria
Circumscribe a golden grin;
The host with someone indistinct
Converses at the door apart,
The nightingales are singing near
The Convent of the Sacred Heart,
And sang within the bloody wood
When Agamemnon cried aloud
And let their liquid siftings fall
To stain the stiff dishonoured shroud.

Песня о любви

Альфреду Пруфроку

(Томас Элиот)

Я так и думал, что дал тебе ответ,
человек не вернётся в этот мир.
Это пламя не погаснет больше, нет,
я не вернусь в тот фонд живым.
Всю правду эту я просто знаю,
перед позором страха отвечаю».
Давай пойдём с тобою, ты да я,
когда поднимется вечерняя заря,
как пациенты под наркозом на столе,
пойдём по улицам пустым везде.
Уединимся в ночлежке для ночей бессонных,
в дешёвом кабаке, в бормочущих притонах,
где на полу опилки и скорлупки устриц,
как аргумент коварных, скучных улиц.
Чтобы к истине вас когда-то привести,
не надо спрашивать, зачем такой визит.
В гостиной дамы оготело
беседуют про Микеланджело.
Дым с туманом тычут желтизной в стекло,
вылизывая сумерек углы,
всё, что за ночь с водостоков натекло

и даже сажу копоты трубы.

Скользнув к террасе, дом нежно обнимают
обвив собою дом, мгновенно засыпают.

Конечно, будет время для жёлтого дыма,
который скользит по окнам, потирая спину.

Настанет время встретиться лицом к лицу,
чтоб созидать и убивать, творцу и подлецу.

Да будет время для всех работ, чтоб не тужить
и не возникнет вопрос, что на тарелку положить.

Вот час придёт для множества сомнений,
воспоминаний, ревизий и видений.

Настанет время для вас и для меня,
перед домашним чаем на исходе дня.

В салоне дамы оголтело
щебечут о Микеланджело.

И действительно, время пройдёт.

Интересно, смею ли я? Наперёд,
по лестнице вернуться и спуститься,
с лысиной, что будет светиться.

Они скажут, что его волосы сильно поредели!

Моё пальто, мой воротник, что на меня одели,
мой галстук богатый, но с булавкой убогой.

Они скажут: «Но какие тонкие руки и ноги!»

Разве я смогу беспокоить вселенную?

Каждая минута имеет точное время,
для решений, отступлений, сомнений.

Да, мне знакомы эти лица и в профиль, в анфас,
глаза, что держат нас в границах общих фраз,
когда к стене приколот шпильками этих глаз,

я корчусь среди границ, стенаю,
тогда страдать я просто начинаю.
Выплескивать негодования неприлично
и как, я это должен сделать лично?
Ибо я их всех знал, про всё немножко,
про утренники, вечера, календарные дни.
Я жизнь измерял кофейной ложкой
и знал отголоски дальней болтовни,
там под музыку в гостиной дамы спелись.
Так как же я могу, как я осмелюсь?
Я видел голову свою плешивую на блюде,
Я не пророк и мало думаю о чуде,
но я поймал момент, когда мое величие угасло,
как лакей, держа пальто, ехидно улыбался.
Короче говоря, я испугался.
Это стоило того, что после приговора,
мармелада, чашек чая, среди фарфора,
среди негромкого меж нами разговора,
с улыбкой прервать общение в разгар,
чтоб мироздание втиснуть в земной шар
и катить его, как твой желанный дар.
Сказать: «Я Лазарь, вернулся и восстал в гробу,
чтоб рассказать вам всё. Я всем, всё расскажу».
Вот некто, на подушке устроив голову свою,
вам скажет: «Это то, что я не имел в виду;
Это совсем не так».

А как?

это стоило того, в конце концов,
на улицах после закатов и дворцов,

после романов, после чашек, после покоя,
юбок тянувшихся вдоль пола и многое другое.
Невозможно сказать, что я имел в виду такое!
Вот если бы фонарь волшебный,
на экране сбросил сгустки нервов,
а некая особа, сбросив шаль,
уоставившись в окно сказала: «Жаль.
Это совсем не так и хватит,
нет, это всё некстати».

Нет, я это не имел в виду.

Я не Гамлет, и не должен Принцем быть.

Я господин, который делает беду,
чтобы прогресс и сцену запустить.

Советую принцу простой инструмент:

положительным быть и полезным,
осторожным, дотошным, как джентльмен,
политически тупым, но трезвым.

Порой, действительно, почти смешно,
дурачимся и это всё разрешено.

Я старею. Старею. Нет слов.

Я надену мотню от штанов.

Я не хочу расстаться с волосами?

Смогу ли кушать персик зубами?

Буду в белых брюках по пляжу гулять

и слушать, как русалки поют,

но они не будут мне петь и плясать,

качая на волнах морской приют

и расчесывая белыми волосами,

воду белую под ветер волнами.

Мы задержались на морском пейзаже,
с девчонками раздетыми на пляже.
Мы тонем, пока людские голоса,
нас не разбудят на небесах.

The Love Song of J. Alfred Prufrock (Tomas Eliot)

S'io credesse che mia risposta fosse
A persona che mai tornasse al mondo,
Questa fiamma staria senza piu scosse.
Ma perciocche giammai di questo fondo
Non torno vivo alcun, s'i'odo il vero,
Senza tema d'infamia ti rispondo.
Let us go then, you and I,
When the evening is spread out against the sky
Like a patient etherized upon a table;
Let us go, through certain half-deserted streets,
The muttering retreats
Of restless nights in one-night cheap hotels
And sawdust restaurants with oyster-shells:
Streets that follow like a tedious argument
Of insidious intent
To lead you to an overwhelming question...
Oh, do not ask, «What is it?»
Let us go and make our visit.
In the room the women come and go
Talking of Michelangelo.
The yellow fog that rubs its back upon the window-panes,
The yellow smoke that rubs its muzzle on the window-panes,
Licked its tongue into the corners of the evening,

Lingered upon the pools that stand in drains,
Let fall upon its back the soot that falls from chimneys,
Slipped by the terrace, made a sudden leap,
And seeing that it was a soft October night,
Curled once about the house, and fell asleep.
And indeed there will be time
For the yellow smoke that slides along the street,
Rubbing its back upon the window-panes;
There will be time, there will be time
To prepare a face to meet the faces that you meet;
There will be time to murder and create,
And time for all the works and days of hands
That lift and drop a question on your plate;
Time for you and time for me,
And time yet for a hundred indecisions,
And for a hundred visions and revisions,
Before the taking of a toast and tea.
In the room the women come and go
Talking of Michelangelo.
And indeed there will be time
To wonder, «Do I dare?» and, «Do I dare?»
Time to turn back and descend the stair,
With a bald spot in the middle of my hair —
(They will say: «How his hair is growing thin!»)
My morning coat, my collar mounting firmly to the chin,
My necktie rich and modest, but asserted by a simple pin —
(They will say: «But how his arms and legs are thin!»)
Do I dare
Disturb the universe?

In a minute there is time
For decisions and revisions which a minute will reverse.
For I have known them all already, known them all:
Have known the evenings, mornings, afternoons,
I have measured out my life with coffee spoons;
I know the voices dying with a dying fall
Beneath the music from a farther room.
So how should I presume?
And I have known the eyes already, known them all—
The eyes that fix you in a formulated phrase,
And when I am formulated, sprawling on a pin,
When I am pinned and wriggling on the wall,
Then how should I begin
To spit out all the butt-ends of my days and ways?
And how should I presume?
And I have known the arms already, known them all—
Arms that are brace leted and white and bare
(But in the lamplight, downed with light brown hair!)
Is it perfume from a dress
That makes me so digress?
Arms that lie along a table, or wrap about a shawl.
And should I then presume?
And how should I begin?
Shall I say, I have gone at dusk through narrow streets
And watched the smoke that rises from the pipes
Of lonely men in shirt-sleeves, leaning out of windows?...
I should have been a pair of ragged claws
Scuttling across the floors of silent seas.
And the afternoon, the evening, sleeps so peacefully!

Smoothed by long fingers,
Asleep... tired... or it malingers,
Stretched on the floor, here beside you and me.
Should I, after tea and cakes and ices,
Have the strength to force the moment to its crisis?
But though I have wept and fasted, wept and prayed,
Though I have seen my head (grown slightly bald) brought
in upon a platter,
I am no prophet – and here's no great matter;
I have seen the moment of my greatness flicker,
And I have seen the eternal Footman hold my coat, and
snicker,
And in short, I was afraid.
And would it have been worth it, after all,
After the cups, the marmalade, the tea,
Among the porcelain, among some talk of you and me,
Would it have been worth while,
To have bitten off the matter with a smile,
To have squeezed the universe into a ball
To roll it towards some overwhelming question,
To say: «I am Lazarus, come from the dead,
Come back to tell you all, I shall tell you all» —
If one, settling a pillow by her head
Should say: «That is not what I meant at all;
That is not it, at all».
And would it have been worth it, after all,
Would it have been worth while,
After the sunsets and the dooryards and the sprinkled streets,
After the novels, after the teacups, after the skirts that trail

along the floor—

And this, and so much more? —

It is impossible to say just what I mean!

But as if a magic lantern threw the nerves in patterns on a screen:

Would it have been worth while

If one, settling a pillow or throwing off a shawl,

And turning toward the window, should say:

«That is not it at all,

That is not what I meant, at all».

No! I am not Prince Hamlet, nor was meant to be;

Am an attendant lord, one that will do

To swell a progress, start a scene or two,

Advise the prince; no doubt, an easy tool,

Deferential, glad to be of use,

Politic, cautious, and meticulous;

Full of high sentence, but a bit obtuse;

At times, indeed, almost ridiculous—

Almost, at times, the Fool.

I grow old... I grow old...

I shall wear the bottoms of my trousers rolled.

Shall I part my hair behind? Do I dare to eat a peach?

I shall wear white flannel trousers, and walk upon the beach.

I have heard the mermaids singing, each to each.

I do not think that they will sing to me.

I have seen them riding seaward on the waves

Combing the white hair of the waves blown back

When the wind blows the water white and black.

We have lingered in the chambers of the sea

By sea-girls wreathed with seaweed red and brown
Till human voices wake us, and we drown.

Четыре квартета (Томас Стернс Элиот)

1. Бёрнт Нортон

1.1

Настоящее и прошлое, впрочем,
будут происходить и в будущем,
как грядущее посещало прошедшее.
Значит, время всегда настоящее
и оно никогда не приходит,
не свершившееся есть абстракция,
будем наблюдать, что происходит,
нам даётся, лишь возможная акция.
Только в области размышлений,
желаемое и уже наставшее,
оседают в памяти без промедлений
и приводят на грань настоящего.
Шаги по тропам нехоженным,
к не открытым ещё дверям,
как слово чьё-то тревожно,
бьет по моим мозгам.
Не беспокойте прах розовых лепестков,

тогда сад заполнят отголоски иные.
Поспешим за поворот, где щебет скворцов.
Может и нам суждено пойти за ними?
В наш первый мир и первые двери,
с обманной песней скворца
и незримо в это поверив,
войти и оставить сердца.
В осеннем тепле, сквозь воздух звенящий,
птица зазывала словно в ответ,
мы невесомо ступали по листве опавшей,
под музыкальный в кустах сюжет.
Незримые взгляды пересекались,
казалось, на розы глядел кто-то тут.
Хозяева будто в гостях оказались
и шли посмотреть на высохший пруд,
который был окружён кустами самшита.
Высох бетон, порыжел по краям,
а ведь был заполнен солнечным светом,
там кротко рос лотос, словно бурьян.
Когда-то поверхность под лучами света,
блистала и мы стояли, отражаясь в воде,
тучи уходили и пруд опустошался следом,
лишь детский смех из кустов доносился везде.
«Смелее.», – Человеку вторила птица,
не выжить в слишком реальной жизни.
Прошлое и будущее уже не случится,
мы только в настоящем, на грани мысли.

По ось в грязи телега застряла,
скрип ободов, кровь в аорте рыдала,
поклажи с чесноком, сапфиром упали,
а рана забытой войны стонала.
Жизнь по вращению звёзд читаем,
по кольцам дерева года считаем.
Стоим себе в свой малый рост,
вступив на шаткий жизни мост
и слышим топот беглецов,
бежит кабан от гончих псов.
Погоня длится средь веков
под взором звёзд, других миров.
В застывшей точке вращения мира,
ни плоть, ни бесплотность, ни туда, ни сюда,
есть движение, нет остановки ритма,
встречаются прошлое с будущим в точке всегда.
Можно сказать, мы где-то были, но где?
Как долго? Время в точке не поместить!
От житейских желаний свободу в судьбе,
от страха и состраданий не оградить.
Светом разума, белым, спокойным,
от воли своей и чужой благодать,
без движений внимание полное,
отрешённость нельзя толковать.
Постигнуть новый и старый мир,
ощутить их неполный восторг,
погрузившись в частичный кошмар,
с учетом будущих и прошедших снов,

слабостью ненадежного тела солгать,
спасти человечество от проклятия неба.
В прошлое и будущее не вынести плоть,
сознанию не остаётся места и следа.
Сознать, значит не зависеть от времени,
помнить себя среди роз, но без бремени.
Миг под ливнем, запах ладана при курении,
время в настоящем покоряется временем.

1.3

Мрак между прошлым и будущим правит без света,
он облекает тело прозрачным покоем,
тьнь постигает неизменность, эфемерная красота
очищает душу во мраке ночи и такое
лишает ощущений, отрешает любовь от суеты.
Не избыток и не угасание, а мерцания,
рассеянная вялость чередует пустые мечты.
Напряжённые лица, сменяют смятения,
словно ключья бумаги, ветер крутит людей,
между прошлым и будущим.
Вихрь продувает легкие до самых костей,
душ изнеможенных и немощных.
В блеклом воздухе очень вялые души,
постепенно ветер выметает холмы,
Лондона, Хэмпстеда, Кемпдена, Патни.
Здесь мрак отступает за пределы тьмы.
Спускаемся ниже, делаем последний шаг,
в царство, где одиночество вечно,

в мир иной, в антимир, где внутренний мрак.
Там избавление от вещей безупречно,
отрешённость от чувств и мира грёз,
в неподвижном духовном мире,
где путь в никуда, к недвижности звёзд.
Там прошлое и будущее стало едино!

1.4

Колокольный звон.
Время хоронит день.
Пустой небосклон,
от солнца укрывает тень.
Подсолнух есть солнечный лик для нас.
Уже зимородок устремился ввысь,
летающего мира свет не угас,
ответил светом на свет и затих.

1.5

Слова и музыка всегда в движении,
не после смерти и только во времени.
Речь умолкает, идут причитания
и слово обретает форму молчания.
Слова и музыка могут достигнуть
немоту бессмертной китайской вазы.
В вечном покое может сгинуть,
скрипичный ключ в кантиленой фазе.
А предшествующий финал и начало

сходятся вместе в начале кольца
и все это в настоящем настало,
до начала и после конца.

Слова всегда в настоящем движении,
надрываясь, трещат и тухнут,
иногда разрываются от напряжения,
от неточности гниют и гибнут.

Им не под силу стоять на месте, поныне,
их постоянно атакуют в пространстве,
вопли, упреки, осаждают в пустыне
призрак, орущий в загробном танце.
Громкая жалоба неутешной химеры,
движение есть подробность ритма,
как у лестницы перила, ступени,
а у слов существует рифма.

По сути, любовь не движение,
лишь причина его во времени.

Вне времени и вне желания,
есть лишь одно стремление.

Вырваться на истинный путь
из небытия в бытие,

неожиданно солнечный луч,
сотрясает смехом детей,
в ливне затаивших свой восторг.

Скорее, сюда, к причалу.

Нелепым становится времени срок,
между концом и его началом.

1. Burnt Norton

(T.S.Eliot. No. 1 of «Four Quartets»)

1.1

Time present and time past
Are both perhaps present in time future,
And time future contained in time past.
If all time is eternally present
All time is unredeemable.
What might have been is an abstraction
Remaining a perpetual possibility
Only in a world of speculation.
What might have been and what has been
Point to one end, which is always present.
Footfalls echo in the memory
Down the passage which we did not take
Towards the door we never opened
Into the rose-garden. My words echo
Thus, in your mind.
But to what purpose
Disturbing the dust on a bowl of rose-leaves
I do not know.
Other echoes
Inhabit the garden. Shall we follow?
Quick, said the bird, find them, find them,

Round the corner. Through the first gate,
Into our first world, shall we follow
The deception of the thrush? Into our first world.
There they were, dignified, invisible,
Moving without pressure, over the dead leaves,
In the autumn heat, through the vibrant air,
And the bird called, in response to
The unheard music hidden in the shrubbery,
And the unseen eyebeam crossed, for the roses
Had the look of flowers that are looked at.
There they were as our guests, accepted and accepting.
So we moved, and they, in a formal pattern,
Along the empty alley, into the box circle,
To look down into the drained pool.
Dry the pool, dry concrete, brown edged,
And the pool was filled with water out of sunlight,
And the lotos rose, quietly, quietly,
The surface glittered out of heart of light,
And they were behind us, reflected in the pool.
Then a cloud passed, and the pool was empty.
Go, said the bird, for the leaves were full of children,
Hidden excitedly, containing laughter.
Go, go, go, said the bird: human kind
Cannot bear very much reality.
Time past and time future
What might have been and what has been
Point to one end, which is always present.

Garlic and sapphires in the mud
Clot the bedded axle-tree.
The trilling wire in the blood
Sings below inveterate scars
Appeasing long forgotten wars.
The dance along the artery
The circulation of the lymph
Are figured in the drift of stars
Ascend to summer in the tree
We move above the moving tree
In light upon the figured leaf
And hear upon the sodden floor
Below, the boarhound and the boar
Pursue their pattern as before
But reconciled among the stars.
At the still point of the turning world. Neither flesh nor
fleshless;
Neither from nor towards; at the still point, there the dance is,
But neither arrest nor movement. And do not call it fixity,
Where past and future are gathered. Neither movement from
nor towards,
Neither ascent nor decline. Except for the point, the still
point,
There would be no dance, and there is only the dance.
I can only say, there we have been: but I cannot say where.
And I cannot say, how long, for that is to place it in time.
The inner freedom from the practical desire,
The release from action and suffering, release from the inner

And the outer compulsion, yet surrounded
By a grace of sense, a white light still and moving,
Erhebung without motion, concentration
Without elimination, both a new world
And the old made explicit, understood
In the completion of its partial ecstasy,
The resolution of its partial horror.
Yet the enchainment of past and future
Woven in the weakness of the changing body,
Protects mankind from heaven and damnation
Which flesh cannot endure.
Time past and time future
Allow but a little consciousness.
To be conscious is not to be in time
But only in time can the moment in the rose-garden,
The moment in the arbour where the rain beat,
The moment in the draughty church at smokefall
Be remembered; involved with past and future.
Only through time time is conquered.

1.3

Here is a place of disaffection
Time before and time after
In a dim light: neither daylight
Investing form with lucid stillness
Turning shadow into transient beauty
With slow rotation suggesting permanence
Nor darkness to purify the soul

Emptying the sensual with deprivation
Cleansing affection from the temporal.
Neither plenitude nor vacancy. Only a flicker
Over the strained time-ridden faces
Distracted from distraction by distraction
Filled with fancies and empty of meaning
Tumid apathy with no concentration
Men and bits of paper, whirled by the cold wind
That blows before and after time,
Wind in and out of unwholesome lungs
Time before and time after.
Eruption of unhealthy souls
Into the faded air, the torpid
Driven on the wind that sweeps the gloomy hills of London,
Hampstead and Clerkenwell, Campden and Putney,
Highgate, Primrose and Ludgate. Not here
Not here the darkness, in this twittering world.
Descend lower, descend only
Into the world of perpetual solitude,
World not world, but that which is not world,
Internal darkness, deprivation
And destitution of all property,
Desiccation of the world of sense,
Evacuation of the world of fancy,
Inoperancy of the world of spirit;
This is the one way, and the other
Is the same, not in movement
But abstention from movement; while the world moves
In appetency, on its metallated ways

Of time past and time future.

1.4

Time and the bell have buried the day,
The black cloud carries the sun away.
Will the sunflower turn to us, will the clematis
Stray down, bend to us; tendril and spray
Clutch and cling?
Chill
Fingers of yew be curled
Down on us? After the kingfisher's wing
Has answered light to light, and is silent, the light is still
At the still point of the turning world.

1.5

Words move, music moves
Only in time; but that which is only living
Can only die. Words, after speech, reach
Into the silence. Only by the form, the pattern,
Can words or music reach
The stillness, as a Chinese jar still
Moves perpetually in its stillness.
Not the stillness of the violin, while the note lasts,
Not that only, but the co-existence,
Or say that the end precedes the beginning,
And the end and the beginning were always there
Before the beginning and after the end.

And all is always now. Words strain,
Crack and sometimes break, under the burden,
Under the tension, slip, slide, perish,
Decay with imprecision, will not stay in place,
Will not stay still. Shrieking voices
Scolding, mocking, or merely chattering,
Always assail them. The Word in the desert
Is most attacked by voices of temptation,
The crying shadow in the funeral dance,
The loud lament of the disconsolate chimera.
The detail of the pattern is movement,
As in the figure of the ten stairs.
Desire itself is movement
Not in itself desirable;
Love is itself unmoving,
Only the cause and end of movement,
Timeless, and undesiring
Except in the aspect of time
Caught in the form of limitation
Between un-being and being.
Sudden in a shaft of sunlight
Even while the dust moves
There rises the hidden laughter
Of children in the foliage
Quick now, here, now, always—
Ridiculous the waste sad time
Stretching before and after.

2. Ист Коукер (Томас Стернс Элиот)

2.1

В моем начале мой конец и год за годом,
дома возводятся, рушатся и снова возникают,
после них остаётся голое поле, или дорога,
камни уходят в новое здание, а брёвна в пламя,
пламя переходит в золу, а зола в землю,
которая снова плоть, покров и помет,
кости людей, скота, кукурузные стебли.
Время строить, рожать. Время зовёт.
Время ветру трясти, ослабевшие рамы,
стены тряхнуть, за которыми бегают мышь,
растрясти шпалеры и гобелены,
а также безмолвный и тихий девиз.
В моем начале виден мой конец.
Свет, проникая на голое поле, освещает аллею.
В полдень под сенью ветвей птенец,
прижимается к ограде, уступая дорогу фургону.
Сама аллея направляется к деревне,
в предвидении зноя, грозового дождя,
поглощают жар и свет серые камни,
ожидая первой совы, георгины спят.
В открытом поле, когда будешь слишком близко,

можно услышать в полночь звуки летнего мрака:
барабан, свирели, увидеть у костра танец диско,
мужчина и женщина постигают таинство брака.
Эта чета и есть необходимый союз,
держатся за руки, как муж и жена,
прыгают через костёр, танцуют блюз,
по-деревенски смешливо, в жанре
удоев, урожая и влюблённых соитий,
вздывают неуклюжие ноги, ноги земли,
как в случке животных в извечном ритме,
смрада и смерти, а также питья и еды.
Восход открывает новый день,
жара на взморье. Ветер в молчании,
щекочет волны. Вот моя тень,
или она где-то в моем самом начале.

2.2

Что ноябрю до первых гроз и весеннего пробуждения,
до возрождения длинного, летнего зноя,
подснежника, бьющегося из-под ног до изнеможения,
до мальв, что ввысь стремятся к небу стоя.
До раннего снега среди поздних роз?
Гром хочет очень сравниться,
с триумфальным движением звёзд,
грохоча в колеснице с зарницей,
в войнах погрязший весь Скорпион,
восстав на солнце, ждёт затмения.
Кометы плачут и меркнет Дракон,

летят Леониды в вихре сражения.
В огне полыхают земля, небосклон,
пламя сжигает поверхность планеты,
до оледенения продолжится сон,
пока не опишут катаклизмы поэты.
Ввергнет в бездну мучительной схватки,
со словом и смыслом, поэзия ни при чём.
Поэзию не приглашали к такой лихорадке,
надежды желанны, им всё нипочём.
Осенний покой или мудрая старость?
Быть может, нас обманули, или себя?
Старцы для обмана туман завещали,
оставив в наследство фальшь векселя.
Их просветленность, как разумная тупость.
Бессильна пред мраком, туда же их взор.
Истина мёртвых коллекций, это их мудрость.
Знания, вот единый и ложный обзор,
но в каждый миг они могут меняться.
На полпути в терновнике, в темном лесу,
у края обрыва, где мы будем бояться
чудовищ, где наваждения нас завлекут.
Поэтому не говорите о мудрости старцев,
их слабоумие и безумство необозримо.
Мы можем уповать на покой страдальцев.
Мудрость смирения – всегда незрима.

2.3

Уходят все в космическую пустоту, как во мрак.

Меркнет луна, «новости бирж» и «Готский Альманах».
Офицеры, литераторы, политики, меценаты,
слуги народа, председатели комитетов, магнаты,
стынут чувства и действовать нет побуждения.
Тихо, сказал я душе, тьма обнимает тебя.
Мы идём с ними молча на поминки того,
кого не хороним, ибо нет его.
Это будет Всевышнего мрак, как в театре ночь,
словно пышный, броский фасад, убирают прочь,
когда гаснет рампа, декораций замену ведут,
гул за кулисами, а тьма наступает на тьму.
Как в подземке, остановка меж станций,
заметно, как с ужасом опустошаются лица
и разговор, начавшись, в пустоте угасает,
мучительный страх безумия все нарастает.
Когда под наркозом сознание ожидает,
душа ждёт надежду и замирает.
Разум постигает всю пустоту
и безнадёжно гасит мечту.
Без любви остаётся одна только вера.
Жди без раздумий, мысль ещё не созрела,
но вера, надежда, любовь есть рабы ожидания,
мрак становится светом и начинает движение.
Журчание первых ручьев и грозы зимой,
невидимый дикий тмин и дикая земляника.
Смех в саду это отголоски восторгов порой,
извещают, что рождение и смерть это мука.
Чтобы быть там, где вас ещё нет,
вы должны идти по пути незнания,

познавая тайны лишенных страстей,
владеть тем, что не имел с рождения.
Чтобы покинуть свой прежний образ,
иди по дороге утрат, где не ходил никогда,
в твоём неведении будет знание и немощь.
Тебя никогда нет там, где ты есть! Всегда!

2.4

От раны страждущий сам врач,
людские раны ножом лечит,
как сострадающий палач,
он нас спасает от увечий.
Болезнь даёт нам исцеление,
сиделка, хоть сама больна,
но призывает к исцелению,
испытать недуг во всем до дна.
Для всех больных, весь мир больница.
Мы в ней умрем от всяческих забот.
Её хозяин успеет разориться
и мы никогда не выйдем из её ворот.
Озноб вздымается от ног,
в сознании полыхает жар,
чтобы согреться, я продрог.
Пламя есть Божий дар!
Святую кровь привыкли пить,
Господню плоть едим поныне,
но веру в Бога продолжаем мнить,
а Пятницу мы чтим святыней.

2.5

Двадцать лет позади, пройдено полпути,
загублено время в прошедших войнах.
С каждым шагом пытаюсь слова найти,
но они покоряются только в книгах.
Начинаем штурм невыразимости суровой,
бессильным во всеобщем беспорядке,
с эмоциональным войском всех порывов,
неуправляемых в жестокой схватке.
Однажды и дважды и множество раз,
не миновать открытий умными людьми,
следует вернуть, что утрачено сейчас,
когда условия все так озлобленны.
Быть может, нет уже потерь, побед,
другое не наш удел, а лишь попытки.
Наш дом начальный путь на исходе лет,
небытие и бытие переплелись в убытки.
Сгорает жизнь мгновением,
не только люди, но и камни,
хранящие тайну смирения,
при свете луны или лампы.
Когда любовь обретет себя,
со старым семейным альбомом,
то и старость проходит любя,
безразлично, здесь или за домом.
Там, где наш путь к иным ожиданиям.
Сквозь тьму и холод, в безлюдной пустоте,
стонет ветер, волны и море разочарований.

Альбатрос и дельфин. Мое начало в моем конце.

2. East Coker

(T.S.Eliot. No. 2 of «Four Quartets»)

2.1

In my beginning is my end. In succession
Houses rise and fall, crumble, are extended,
Are removed, destroyed, restored, or in their place
Is an open field, or a factory, or a by-pass.
Old stone to new building, old timber to new fires,
Old fires to ashes, and ashes to the earth
Which is already flesh, fur and faeces,
Bone of man and beast, cornstalk and leaf.
Houses live and die: there is a time for building
And a time for living and for generation
And a time for the wind to break the loosened pane
And to shake the wainscot where the field-mouse trots
And to shake the tattered arras woven with a silent motto.
In my beginning is my end. Now the light falls
Across the open field, leaving the deep lane
Shuttered with branches, dark in the afternoon,
Where you lean against a bank while a van passes,
And the deep lane insists on the direction
Into the village, in the electric heat
Hypnotised. In a warm haze the sultry light
Is absorbed, not refracted, by grey stone.

The dahlias sleep in the empty silence.
Wait for the early owl.
In that open field
If you do not come too close, if you do not come too close,
On a summer midnight, you can hear the music
Of the weak pipe and the little drum
And see them dancing around the bonfire
The association of man and woman
In daun singe, signifying matrimonie—
A dignified and commodious sacrament.
Two and two, necessary conun action,
Holding eche other by the hand or the arm
Whichever betokeneth concorde. Round and round the fire
Leaping through the flames, or joined in circles,
Rustically solemn or in rustic laughter
Lifting heavy feet in clumsy shoes,
Earth feet, loam feet, lifted in country mirth
Mirth of those long since under earth
Nourishing the corn. Keeping time,
Keeping the rhythm in their dancing
As in their living in the living seasons
The time of the seasons and the constellations
The time of milking and the time of harvest
The time of the coupling of man and woman
And that of beasts. Feet rising and falling.
Eating and drinking. Dung and death.
Dawn points, and another day
Prepares for heat and silence. Out at sea the dawn wind
Wrinkles and slides. I am here

Or there, or elsewhere. In my beginning.

2.2

What is the late November doing
With the disturbance of the spring
And creatures of the summer heat,
And snowdrops writhing under feet
And hollyhocks that aim too high
Red into grey and tumble down
Late roses filled with early snow?
Thunder rolled by the rolling stars
Simulates triumphal cars
Deployed in constellated wars
Scorpion fights against the Sun
Until the Sun and Moon go down
Comets weep and Leonids fly
Hunt the heavens and the plains
Whirled in a vortex that shall bring
The world to that destructive fire
Which burns before the ice-cap reigns.
That was a way of putting it – not very satisfactory:
A periphrastic study in a worn-out poetical fashion,
Leaving one still with the intolerable wrestle
With words and meanings. The poetry does not matter.
It was not (to start again) what one had expected.
What was to be the value of the long looked forward to,
Long hoped for calm, the autumnal serenity
And the wisdom of age? Had they deceived us

Or deceived themselves, the quiet-voiced elders,
Bequeathing us merely a receipt for deceit?
The serenity only a deliberate hebetude,
The wisdom only the knowledge of dead secrets
Useless in the darkness into which they peered
Or from which they turned their eyes. There is, it seems to us,
At best, only a limited value
In the knowledge derived from experience.
The knowledge imposes a pattern, and falsifies,
For the pattern is new in every moment
And every moment is a new and shocking
Valuation of all we have been. We are only undeceived
Of that which, deceiving, could no longer harm.
In the middle, not only in the middle of the way
But all the way, in a dark wood, in a bramble,
On the edge of a grimpen, where is no secure foothold,
And menaced by monsters, fancy lights,
Risking enchantment. Do not let me hear
Of the wisdom of old men, but rather of their folly,
Their fear of fear and frenzy, their fear of possession,
Of belonging to another, or to others, or to God.
The only wisdom we can hope to acquire
Is the wisdom of humility: humility is endless.
The houses are all gone under the sea.
The dancers are all gone under the hill.

2.3

O dark, dark, dark. They all go into the dark,

The vacant interstellar spaces, the vacant into the vacant,
The captains, merchant bankers, eminent men of letters,
The generous patrons of art, the statesmen and the rulers,
Distinguished civil servants, chairmen of many committees,
Industrial lords and petty contractors, all go into the dark,
And dark the Sun and Moon, and the Almanach de Gotha
And the Stock Exchange Gazette, the Directory of Directors,
And cold the sense and lost the motive of action.
And we all go with them, into the silent funeral,
Nobody's funeral, for there is no one to bury.
I said to my soul, be still, and let the dark come upon you
Which shall be the darkness of God. As, in a theatre,
The lights are extinguished, for the scene to be changed
With a hollow rumble of wings, with a movement of darkness
on darkness,
And we know that the hills and the trees, the distant
panorama
And the bold imposing facade are all being rolled away—
Or as, when an underground train, in the tube, stops too long
between stations
And the conversation rises and slowly fades into silence
And you see behind every face the mental emptiness deepen
Leaving only the growing terror of nothing to think about;
Or when, under ether, the mind is conscious but conscious
of nothing—
I said to my soul, be still, and wait without hope
For hope would be hope for the wrong thing; wait without
love,
For love would be love of the wrong thing; there is yet faith

But the faith and the love and the hope are all in the waiting.
Wait without thought, for you are not ready for thought:
So the darkness shall be the light, and the stillness the
dancing.

Whisper of running streams, and winter lightning.
The wild thyme unseen and the wild strawberry,
The laughter in the garden, echoed ecstasy
Not lost, but requiring, pointing to the agony
Of death and birth.

You say I am repeating
Something I have said before. I shall say it again.
Shall I say it again? In order to arrive there,
To arrive where you are, to get from where you are not,
You must go by a way wherein there is no ecstasy.
In order to arrive at what you do not know
You must go by a way which is the way of ignorance.
In order to possess what you do not possess
You must go by the way of dispossession.
In order to arrive at what you are not
You must go through the way in which you are not.
And what you do not know is the only thing you know
And what you own is what you do not own
And where you are is where you are not.

2.4

The wounded surgeon plies the steel
That questions the distempered part;
Beneath the bleeding hands we feel

The sharp compassion of the healer's art
Resolving the enigma of the fever chart.
Our only health is the disease
If we obey the dying nurse
Whose constant care is not to please
But to remind of our, and Adam's curse,
And that, to be restored, our sickness must grow worse.
The whole earth is our hospital
Endowed by the ruined millionaire,
Wherein, if we do well, we shall
Die of the absolute paternal care
That will not leave us, but prevents us everywhere.
The chill ascends from feet to knees,
The fever sings in mental wires.
And quake in frigid purgatorial fires
Of which the flame is roses, and the smoke is briars.
The dripping blood our only drink,
The bloody flesh our only food:
In spite of which we like to think
That we are sound, substantial flesh and blood—
Again, in spite of that, we call this Friday good.

2.5

So here I am, in the middle way, having had twenty years—
Twenty years largely wasted, the years of l'entre deux guerres
Trying to use words, and every attempt
Is a wholly new start, and a different kind of failure
Because one has only learnt to get the better of words

For the thing one no longer has to say, or the way in which
One is no longer disposed to say it. And so each venture
Is a new beginning, a raid on the inarticulate
With shabby equipment always deteriorating
In the general mess of imprecision of feeling,
Undisciplined squads of emotion. And what there is
to conquer
By strength and submission, has already been discovered
Once or twice, or several times, by men whom one
cannot hope
To emulate – but there is no competition—
There is only the fight to recover what has been lost
And found and lost again and again: and now, under
conditions
That seem unpropitious. But perhaps neither gain nor loss.
For us, there is only the trying. The rest is not our business.
Home is where one starts from. As we grow older
The world becomes stranger, the pattern more complicated
Of dead and living. Not the intense moment
Isolated, with no before and after,
But a lifetime burning in every moment
And not the lifetime of one man only
But of old stones that cannot be deciphered.
There is a time for the evening under starlight,
A time for the evening under lamplight
(The evening with the photograph album).
Love is most nearly itself
When here and now cease to matter.
Old men ought to be explorers

Here or there does not matter
We must be still and still moving
Into another intensity
For a further union, a deeper communion
Through the dark cold and the empty desolation,
The wave cry, the wind cry, the vast waters
Of the petrel and the porpoise. In my end is my beginning.

3. Драй Сэлвейджес (Томас Стернс Элиот)

3.1

О богах известно немного, но думаю, что река
бронзовая, сильная, неукротимая богиня,
терпеливая и понятная граница во многие века,
была для доставки товара полезной гордыней.
После того, как на реке навели мосты,
бронзовую богиню в городе забывают,
но время наводнений она старается блюсти.
Бушует, сметает преграды и напоминает,
что для неё нет жертв, она их созерцает,
во власти машин ждёт и наблюдает.
Ритм реки я ощущал в своей детской спальне,
трясущуюся гроздь винограда, при газовой лампе.
Река внутри нас, а море вне,
оно граница, между землёй и гранитом,
где в бухтах бьется наедине
и говорит о другом мироздании, промытом:
о медузе, китовом хребте и рыбе-звезде.
В заливах оно являет нашему взгляду,
нежные анемоны в морской среде,
море выбрасывает наши утраты, досаду,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.